

Жаровня с углями исправно разгоняла сырость, так что в покоях постоянного двора было домашнему тепло. На невысоком квадратном столике, стоявшем прямо на лежанке, лежала раскрытая тетрадь. Наставник Шэнь Сунсюнь сидел перед ней, лениво переставляя фигуры на доске и сверяясь с записями.

Вскоре дверь распахнулась, и в комнату вошёл принц Чу, У Чэнсюань. На ходу развязав шнуры тяжёлого дорожного плаща, он сбросил его на руки верному телохранителю Ду Хэну. Тот ловко подхватил одежду и повесил на деревянную стойку у входа.

Шэнь Сунсюнь поднял голову от записей:

— Ваше Высочество, никак вернулись после осмотра Нефритовой горы?

При упоминании нефрита Ду Хэн, до сих пор пребывавший под глубоким впечатлением, не удержался от возгласа. Он впервые в жизни видел столь исполинский кусок драгоценного камня — в человеческий рост вышиной и в два обхвата шириной.

— Ума не приложу, где они отыскивали такое диво, — покачал головой телохранитель. — Глыба — чистый монолит!

— Государь желает принести этот нефрит в дар богам во время новогодних празднеств, — серьёзно промолвил Шэнь Сунсюнь. — Оплошности тут быть не должно. Ду Хэн, приставь к нему самых надёжных людей.

— Само собой, — кивнул тот. — Его Высочество уже отдал все распоряжения.

— А что насчёт поэтического собрания в Саду Су? — поинтересовался наставник. — Губернатора известили?

Принц безучастно хмыкнул, налил себе чаю и опустился в кресло.

— Приглашения я разослал, — продолжил Шэнь Сунсюнь, крутя в руках костяную фишку. — К тому же нарочно съездил к Юням, чтобы разведать обстановку. Как мы и предполагали, никакого Цзин Юньшу у них не числится. Есть лишь третий молодой господин, Юнь Шу.

У Чэнсюань вскинул на него тяжёлый взгляд. Наставник, не замечая этого, задумчиво вертел фигуру в пальцах:

— Причём вчера, в первый же день после возвращения домой, этот юноша умудрился повздорить со вторым братом, Юнь Вэнем. Слёг от обиды и волнения, до сих пор подняться не может. Глава семейства, Юнь Буши, в ярости велел запереть зачинщика в поминальном храме и всыпать ему двадцать палок. Так что из усадьбы ответили, что оба молодых барыча послезавтра в Саду Су появиться не смогут.

Принц замер с пиалой у самых губ. Он крепче сжал тонкий фарфор.

— Слёг? — глухо переспросил он. — Всё настолько плохо?

— Откуда мне знать, — пожал плечами Шэнь Сунсюнь и вновь уткнулся в свою тетрадь. — Эх, за годы службы в пограничных лагерях я совсем отстал от жизни. Столько забавных вещей появилось! Вот, к примеру, «военные шашки». Не желаете взглянуть, Ваше Высочество?

Вместо ответа У Чэнсюань резко поднялся, рванул наставника за рукав и потащил за собой.

— Живо со мной к лекарям, — велел он. — И пошли человека к себе в поместье. У тебя наверняка завалялось какое-нибудь редкое снадобье или горный корень. Пусть немедленно принесут.

— Позвольте, куда?! — взмолился Шэнь Сунсюнь, едва поспевая за стремительным шагом принца. — Зачем?!

Двор Чистого Бамбука

В комнату тихо вошла Чжили.

— Молодой господин, хозяин вернулся в поместье.

Цзин Юньшу в это время задумчиво вертел в руках изящную костяную безделушку — многослойный шар из слоновой кости, покрытый тончайшей сквозной резьбой. Эту диковину прислал Мао Юн. Проведав о недавней семейной грозе у Юней, купец поспешил подсластить пилюлю своему высокому покровителю.

Круглая игрушка величиной с ладонь скрывала внутри целое чудо: в самом центре покоилась крошечная цельная бусина, а вокруг неё друг в друге свободно вращались ещё четыре тончайшие узорчатые сферы. Итого — пять слоёв искуснейшей работы. Каждая оболочка существовала сама по себе; стоило легонько подтолкнуть её тонкой палочкой через ажурные прорезы, как она начинала плавно вращаться. Цзин Юньшу, выросший в эпоху высоких технологий, не мог не восхититься столь невероятным мастерством в мире, где и понятия не имели о машинных станках.

В прежние времена подобные вещицы поэтично именовали «шарами дьявольской работы» — само название красноречиво говорило о запредельной сложности исполнения. В его родном

мире поздние мастера доводили число подвижных сфер внутри до тринадцати, что считалось вершиной прикладного искусства. Цзин Юньшу некогда видел подобный шедевр в витрине музея под бдительной охраной, но там на него позволялось лишь благоговейно взирать. Теперь же он сам владел этим сокровищем, бережно перекачивал его в ладонях и гадал, каким непостижимым образом древний резчик ухитрился сотворить такое чудо обычным ручным резцом.

Услышав новость, Юньшу тихо проговорил:

— Рано он сегодня. Что, кто-то успел нашептать тебе на ухо?

Иначе преданная служанка вряд ли стала бы беспокоить его подобными разговорами.

— Верно подмечено, господин, — улынулась Чжили. — Наш господин передал, что Его Высочество принц Чу через губернатора известил глав всех благородных семейств. К нам в ворота тоже постучали с приглашением: зовут молодых господ послезавтра на прогулку в Сад Су. Отец, конечно, сослался на то, что второй и третий барычи занемогли и вряд ли смогут почтить принца своим присутствием. Однако на словах велел передать: если вам, сударь, полегчает, то показаться там всё же стоит.

«Принц Чу? У Чэнсюань?»

«Странно. Поговаривали, что он нелюдим, держится в стороне от столичной знати и редко общается с учёными мужами. С чего вдруг такое радушие? Или слухи, как обычно, врут?»

Он помолчал немного и добавил вслух:

— Завтра выбери время и передай в передний двор, что я совсем слаб, подняться с постели не могу, да и негоже мне разносить заразу среди благородных господ. Так что я останусь дома.

И в самом деле, зачем ему сдался этот поэтический вечер? Слагать вирши он не мастак, а слушать чужие излияния и мучительно выдумывать хвалебные отзывы — сомнительное удовольствие. Ладно бы в этой реальности не существовало великих поэтов прошлого, так ведь династия Великого Чжао наследовала империю Ли, и все признанные гении давно заняли свои места на Парнасе. Пытаться выдать чужое за своё глупо, а позориться перед местными грамотеями — увольте.

Цзин Юньшу вновь залюбовался узорами на шаре, слегка встряхнул его и негромко произнёс:

— Передай Мао Юну, пусть его люди разузнают, с какого перепугу принц Чу, которого след простыл ещё месяц назад, внезапно объявился именно в Янчжоу. И ещё: резчика, сотворившего это чудо, нужно щедро наградить. Если у него будет время и желание, пусть сделает ещё несколько таких вещей.

«Такой редкий товар на межпространственном рынке оторвут с руками»

— Господин мой хороший, — со смехом отозвалась Чжили, — вы думаете, это дело простое, как яйцо снести? Да мастер на этот костяной шар больше года потратил! Он единственный в своём роде. Говорят, его подмастерье до сих пор толком резец держать не умеет — только дорогую кость зазря переводит. Если бы не щедрая мошна господина Мао, где бы им взять средства на столь расточительное обучение? Мао Юн скакунов на переправе не меняет: он резонно рассудил, что тренироваться на простом дереве бессмысленно — рука к благородной кости не привыкнет. Так что мастеров подобного уровня во всей Поднебесной по пальцам перечесть.

— Вот оно как, — уважительно протянул Цзин Юньшу. — И всё же янчжоуские умельцы не знают себе равных.

При этом он невольно укорил себя за то, что начинает привыкать к роскоши и праздности господской жизни.

— Накажи его впредь не губить слонов, — распорядился он. — Негоже гневить Небо ради пустой забавы. Пусть режет по ценному дереву или нефриту — выйдет ничуть не хуже. Но награду мастеру выплати сполна, и проследи, чтобы никто из его челяди не вздумал притеснять простолюдинов.

— Будет исполнено, — кивнула Чжили.

У Чэнсюань долго в нерешительности сидел в карете, разглядывая разложенные перед ним притирания и коренья. Лишь когда закатное солнце окончательно утонуло за горизонтом и на город спустились сумерки, принц решился. Он торопливо завернул драгоценные снадобья в кусок плотной ткани и закинул сверток за плечи.

Шэнь Сунсюнь не преминул съязвить:

— Ваше Высочество, позвольте полюбопытствовать: после того как вы учинили форменный разбой в моей лечебнице и обообрали до нитки родовое гнездо Шэней, куда лежит ваш путь?

Приоткрыв дверцу экипажа, У Чэнсюань бросил коротко:

— К Юням. А ты жди здесь и не высовывайся.

Прежде чем наставник успел возразить, принц выскользнул наружу и вместе с Ду Хэном растворился в ночной прохладе.

Опустив на стол пустую пиалу, Цзин Юньшу довольно зажмурился:

— Рыбная похлёбка с бобовым творогом сегодня удалась на славу. Нежная, густая и на редкость сытная.

Чжихуа вместе со служанками принялась проворно убирать со стола, а Чжили поднесла господину чашу с тёплой водой для полоскания.

— Это новое блюдо из Сада Су, — пояснила она. — Господин Мао нарочно раздобыл рецепт у их повара. Сказал, что такая лёгкая и ароматная пища придётся вам по вкусу. Наша кухарка очень старалась угодить.

— Вышло отменно, — Цзин Юньшу промокнул губы шёлковым платком. — Обязательно награди её от моего имени.

— Непременно, господин.

— Ох, что-то меня опять в сон клонит...

Чжили мягко улыбнулась:

— Тогда позвольте мне помочь вам умыться и омыть ноги, чтобы вы могли лечь в тёплую постель. Почитаєте немного, еда уляжется, тогда и заснёте.

— Добро.

С трудом преодолевая зевоту, Юньшу умылся, опустил усталые ноги в таз с горячей водой, а после скользнул под тяжёлое стёганое одеяло, заботливо прогретое медной грелкой. Тепло мгновенно окутало его, утягивая в дремоту.

— Господин, не засыпайте сразу, поговорим немного, — тихо попросила Чжили, стараясь не дать ему уснуть на полный желудок.

— Да ладно тебе, — пробормотал Юньшу, уже не размыкая глаз. — Подумаешь, пара глотков лёгкой ухи. Живот не утянет. Иди к себе, я совсем без сил.

Делать здесь больше было нечего, и служанка, повинувшись приказу, тихо покинула комнату.

Чжили только вздохнула. Взяв серебряный колпачок, она потянулась было к горевшей у изголовья свече, но Юньшу лениво остановил её:

— Оставь свет. И подай мне костяной шар.

Девушка принесла игрушку и с улыбкой покачала головой:

— Надо же, как вам понравилась эта безделушка.

Цзин Юньшу поднял шар к самому фитилю, разглядывая причудливые тени, ложившиеся на резную кость.

— Разве она не прекрасна? Какая тонкая, искусная работа...

— Красиво-то красиво, — вздохнула служанка, — да только если глазеть на неё без конца, быстро наскучит.

Юньшу промолчал. Чжили было не понять той смеси благоговения и удивления, которую испытывал выходец из будущего перед гением неизвестного средневекового мастера.

Напоследок Чжили налила свежего чая и поставила пиалу на подставку с тлеющими углями, чтобы напиток не остывал.

— Тогда я пойду к себе в каморку. Если что понадобится — только кликните.

Собрать рукоделие и тихо прикрыть за собой дверь было делом одной минуты.

В комнате воцарилась глубокая ночная тишина. Лишь изредка потрескивали угли в жаровне да шуршал за окном ветер. Но покой длился недолго. Внезапно из темноты двора донёсся зычный, полный ярости окрик Чжун И:

— Кто здесь?!

Цзин Юньшу вздрогнул и мгновенно растерял остатки сна.

— Чжун И! — крикнул он в окно, но было поздно. Снаружи послышался глухой топот быстрых шагов и свист рассекаемого воздуха. Охранник уже сорвался с места, преследуя незваного гостя.

«Вот ведь вольный удалец, прости господи... — мысленно выругался Юньшу. — Настоящий бродяга цзянху, а не верный страж. Стоило завидеть равного соперника — и вся служба псу под хвост, лишь бы силой помериться!»

В следующий миг оконная рама тихо скрипнула, и в спальню бесшумно скользнул силуэт. Судя по очертаниям, это был мужчина — высокий, широкоплечий и сильный. Верхнюю половину его лица скрывала глухая тёмная маска. Облачён он был в роскошную тёмно-синюю хускую куртку

с меховой оторочкой по отложному воротнику, а наборный пояс диесе щеголял безупречно отшлифованными нефритовыми бляхами. Меньше всего этот человек походил на заурядного наёмного убийцу.

Хоть Цзин Юньшу и держал при себе лучшего телохранителя, за все годы новой жизни беда впервые постучалась прямо к нему в спальню. Налётчики действовали на редкость слаженно: один увёл за собой грозного Чжун И, а второй проник в дом. Они явно знали распорядок усадьбы и до мельчайших подробностей изучили привычки его окружения.

Юньшу вовсе не был бесстрашным безумцем. Случись ему погибнуть в первый день после переноса, он, пожалуй, принял бы смерть без сожалений. Но теперь, когда он столько сил положил на обустройство своей жизни, глупо и бессмысленно погибнуть от ножа ночного налётчика? Ну уж нет, дудки!

«Неужто этот придурок Юнь Вэнь всё же нанял головорезов?»

Цзин Юньшу замер, стараясь не делать резких движений. Он медленно, дюйм за дюймом, скользнул рукой под шёлковую подушку. Каждая мышца натянулась как тетива, а он намертво пригвоздил незваного гостя взглядом к месту.

Все эти мысли пронеслись в его голове за единый миг. Вдруг из-за двери донёсся встревоженный голос Чжили — видимо, до её слуха всё же долетел крик хозяина:

— Господин, с вами всё в порядке? Что случилось?

Наивная девчушка даже не подозревала, что верный Чжун И увлёкся погоней и оставил пост, а в покоях её господина затаилась смертельная угроза.

— Выйди во двор и жди Чжун И! — как можно спокойнее, но твёрдо приказал Юньшу. — Сюда не заходи!

Если девица ворвётся в комнату, она лишь станет обузой. В одиночку у него было куда больше шансов выжить.

Отрезав путь служанке, Юньшу вновь уставился на незнакомца. Тот стоял посреди комнаты и... не торопясь развязывал узел на груди.

«Что он делает? Достает из-за пазухи скрытое оружие?»

Но разве профессиональный убийца не должен являться с обнажённым клинком наготове?

Несмотря на дикость происходящего, Цзин Юньшу не терял бдительности. Он крепко сжал

самозарядный арбалет, спрятанный в рукаве. Стоит этому типу сделать хоть шаг к постели — и стальной болт вопьётся ему прямо в горло.

Тем временем таинственный гость развязал узел, бережно снял с плеч объёмистый сверток и принялся неторопливо копать в ворохе ткани. Юньшу затаил дыхание. Он положил палец на холодный спусковой крючок арбалета. Он слегка приподнялся на локтях, готовый к выстрелу.

Мужчина наконец извлёк на свет Божий длинный предмет. Цзин Юньшу приготовился к худшему, зажмурившись на долю секунды... но вместо острого кинжала незнакомец бережно развернул промасленную бумагу.

В полумраке спальни тускло блеснули нанизанные на бамбуковую шпажку, покрытые глянцевой янтарной глазурью ягоды боярышника. Это была обыкновенная сладкая танхулу.

Цзин Юньшу онемел.

В памяти невольно всплыли жуткие истории о безумных маньяках из его прошлого мира, которые после каждого убийства оставляли на теле жертвы особую метку. Неужели этот сумасшедший решил сделать своей визитной карточкой засахаренные фрукты?

Да ну, бред какой-то.

<http://bllate.org/book/18296/1765850>